

г. Москва
Тр. Комедии
при Россомах

13 ноября 1985 г. • «МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ» • 3

«МОДЕЛИ сезона»

Генриха Рябкина, поставленные В. И. Ненашевым в Московском театре комедии при Россомах, представляют в качестве спектакля камерного, домашнего, семейного. Эти свойства здесь, кажется, согласны несколько лукаво подчеркнуть симметрией сценографии: слева квартира, справа квартира, посредине вертящаяся дверь Дома моделей.

И все. Выйдя из своей квартиры, привычной до полной тоски, герой пройдет через вертящуюся дверь сбаланса и попадет в другую квартиру, чем-то, разумеется, иную, но, право же, не слишком.

Только не следует доверять ни этой симметрии, ни простодушию предложенного сюжета. Некий человек со смешной фамилией Фунтиков (С. Тарасов) нарочно закабален своей ученой и светской супругой, сохранившей куда более звучную фамилию Воронцова (Н. Филиппова). Он, в фартуке, предлагает ей уже готовый обед, она — «поешь сам» — отправляется на банкет в ресторан, куда его, как она снисходительно подчеркивает, не зовут.

Заодно с хозяйственными поручениями «модная жена» (так ее бы назвали в XIX веке) напоминает, чтобы муж не забыл сделать расчеты для ее готовящейся докторской диссертации.

Несколько, допустим, неожиданный оттенок в традиционном комедийном пасьянсе на тему закабаленного мужа, но, вроде бы, это так, штришок в духе дня.

Между тем семейный полигон тут обманчив... Как быстро поясняет ситуацию старый друг Фунтикова профессор Плотников, дело в общем-то, и не в семье. Человек со смешной фамилией и жалкой ролью — в сущности гений. Только могучая сила его интеллекта, умноженная на добрую, привязчивую душу, давая такие вот парадоксальные результаты. Он стал подкаблучником своей абсолютно бездарной жены, которая паразитирует на его мозге, использует его в качестве домработницы и, ко-

всему, тяготеет к наскучившему обществу.

Плотников (Г. Жмуров) и сам в общем-то сходной с мадам Воронцовой породы. Он тоже не прочь на правах старого друга поэксплуатировать беднягу Фунтикова и, совсем по-брехтовски, доказывает, что жена просто обязана была соскучиться с настолько покоренным мужем.

Итак, сквозь комнатный, домашний интерьер вдруг просвечивает серьезный социальный конфликт. Как же все-таки получается,

кина). Она кажется идеальной фигурой для интриги. Но, говорит нам театр, нет, не существует таких «женщин вообще», пусть блистательных, однако абстрактных. Лю оказывается хорошим человеком Людой, со своей нелепой судьбой...

Итак, переворот в семействе Фунтиковых-Воронцовых совершен. Теперь муж и дело уходит из дому, а обескураженная жена заново учится готовить обеды.

Тут-то комедия и отходит от водеvilной схемы в сторону обещанного «почти».

ПО ОБЕ СТОРОНЫ РАМПЫ

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ДОСТОИНСТВА

что талантливый человек нередко оказывается неудачником, а «наверх» судьба выносит ловких и бесцаремных людей, мимикрирующих под друзей, сослуживцев, начальников, даже жен в конце концов?

Такой поворот вызывает сочувствие в зале, нам тоже известны такие несветлые парадоксы, и мы понимаем, что дело это не частное, не семейное: в конце концов страдает ведь не только растапа-неудачник, но и общество в целом...

Так что в иронии Плотникова что-то наше сочувствие вызывает: нельзя быть размазней, талант — общественное достояние. А вот Фунтиков, оказывается, стал «сдавленным»: зарыл свой талант в землю и взрастил на ней сомнительное растение, сорняк — свою супругу.

Пьеса названа «Почти комедией». Значит, все-таки надо поискать выход. Плотников подбивает Фунтикова на бунт и даже знакомит его с некоей манекенщицей: пусть жена поймет, что ее муж способен покорять сердца.

Манекенщицу великосветски зовут Лю (В. Нервят-

Фунтиков вовсе не похож на торжествующего победителя. С ним случилось самое распространенное из чудес, он полюбил.

НЕ СТОИТ пересказывать пьесу. Лучше посмотрим в ее четырех героях. Фунтиков как будто проснулся в своем доме, бывшем таким милым и уютным, и увидел, что дома давным-давно нет. Это — грустно-пародийный вариант ибсеновской Норы, только в мужском обличье.

Наталья Филиппова получила возможность красочно сыграть другую Воронцову: жалкую, потерянную, уморительно равнующую. Однако драматург и режиссер строго следят за тем, чтобы нам не стало ее жаль. Ревновать она может, а любить — увы, нет.

Думается, что здесь есть некий частный просчет. Речь не о том, чтобы сочувствовать этой неприятно-наглой в быту и пусть мелкой, но ведь и опасной хищнице. Надо, на наш взгляд, было дать возможность увидеть: нахрап, жадность, цинизм не ведут к счастью, это — для кого-то заманчивый, но тупиковый путь. Прощать ее ни

в коем случае не надо. Но заглянуть в ее старательно созданное одиночество, возможно, следовало бы.

Здесь больше «повезло» Плотникову. Геннадий Жмуров показывает нам не только путь эгоиста, но и ясное ощущение, предчувствие его несветлого итога.

И, наконец, Лю, пожалуй, сначала должна была появиться более ослепительно. «Модели сезона», предложенные здесь популярным ныне Вячеславом Зайцевым, существуют несколько сами по себе, вне строя спектакля. Они все-таки яркие, но расхожи. Лю вначале заслуживала, может быть, ретро-платья с раскидистой шляпой. Тем острее воспринимался бы перелом от «звезды» к милой, печальной, одинокой женщине.

ПОД ЗАНАВЕС спектакль иронически раскрывается с расхожими драматургическими штампами. Предложено аж два «хэппи энда». Первый — сохранена семья Фунтикова, обретена семья Люда и Плотников.

Чем ближе этот конец к тому, «как принято», тем он невыносимей. Это ведь уже трагедия, замаскированная под счастливый конец. Второй вариант кажется нам предпочтительнее: пусть Фунтиков и Люда найдут свое счастье.

Только... Только не сведется ли тогда разговор к перемене адреса? Слабовольный, так и не повзрослевший герой попадет в несколько более уютные условия?

Нет, товарищи. Надо взрослеть. Пока еще не поздно. Текст несколько спрямляет этот путь, Фунтиков вспоминает о своем долге обществу. Думается, все-таки рано. Но вот если не состоится защита диссертации Воронцовой — это уже немало.

Любовь, жизнь, достоинство — все стучится в двери человека и требует его настоящего, полного самоосуществления. Не столько даже для созревания плодов его научной мысли, нужно нам это, сколько просто как пример, освежающий воздух, которым мы дышим.

М. АРГУС.